

1880

ОТКРОВЕННОЕ СЛОВО

о

ВАЖНЕЙШИХЪ СОБЫТИЯХЪ НАШЕЙ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТИЕ (1855—1880 г.).

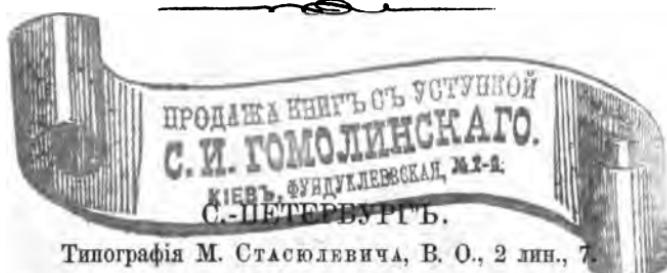
DOBROV

Л. ДОБРОВА.

= OTKROVEN. SLOVO,,

„И зажегши свѣчу, не ставить ея подъ
„сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтль
„всѣй въ домѣ“.

(Мате. 5, 15).

1880

PUBLISHED IN RUSSIA

WID + C

DK

221

.D62

X

✓

Morse 4

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ	стр. V—XV
ГЛАВА I. ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ. 1) Слухи объ улучшении быта крестьянъ. 2) Высочайший реескриптъ на имя Генераль-Губернатора Назимова. 3) Мѣры Законодателя противъ появления сельского пролетариата. 4) Манифестъ 19 февраля 1861 г. 5) Экономическое и нравственное значение освобождения крестьянъ. 6) Барство	1
ГЛАВА II. ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. 1) Притокъ новыхъ элементовъ въ землемѣрческій классъ. 2) Отсутствіе единства и инициативы въ земскомъ дѣлѣ до преобразованія его. 3) Земскія учрежденія. 4) Чѣмъ проявилось себя земское самоуправление? 5) Общественное значеніе всесословного начала въ земскомъ самоуправлении. 6) Денежная и родовая аристократія	11
ГЛАВА III. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. 1) Перемѣщеніе общественныхъ элементовъ, явившееся послѣдствиемъ освобождения крестьянъ, вызвало необходимость въ самостоятельности городского хозяйства. 2) Городовое Положеніе. 3) Временные причины неудовлетворительности городского самоуправления. 4) Видимые результаты городского самоуправления	21
ГЛАВА IV. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПРЕССА. 1) Допущеніе нѣкоторой гласности въ дѣлѣ общественного самоуправления. 2) Органы мѣстной печати—частные и офиціальные. 3) Могутъ ли они считаться выразителями мѣстной жизни. 4) Причины бѣдности содержания мѣстной періодической печати. 5) Часто встрѣчающаяся русскому публицисту необходимость доказывать, что $2 \times 3 = 6$. 6) Мысли по поводу послѣднихъ явлений болѣзнейшихъ нашей внутренней жизни	27
ГЛАВА V. Войско. 1) Нѣсколько словъ о техническомъ развитіи военного дѣла. 2) Мѣры Законодателя въ видахъ возвышенія нравственного духа солдата. 3) Улучшеніе быта солдатъ и прежнее ихъ положеніе. 4) Отмѣна тѣлесного наказанія солдатъ. 5) Обученіе солдатъ. 6) Видимые результаты преобразованій въ войску. 7) Высочайший Манифестъ о всесословной воинской по- винности	41

	СТР.
ГЛАВА VI. Отмѣна тѣлеснаго наказанія. 1) Ограничение круга лицъ, подлежащихъ тѣлесному наказанію. 2) Высочайший Именной указъ 17 апреля 1863 г. 3) Разлагающее вліяніе тѣлеснаго наказанія на всѣ слои общества. 4) Школьные стоики и площадные „благородные люди“	53
ГЛАВА VII. Судъ. 1) Положеніе слѣдственной части. 2) Учрежденіе судебныхъ слѣдователей. 3) Введеніе судебныхъ установлений по Уставамъ 20 ноября 1864 г. 4) Наиболѣе существенные черты Нового суда. 5) Воспитательное значеніе Нового суда. 6) Вліяніе суда на экономической бытъ страны. 7) „Практика“ министерства гр. Палена. 8) Отмѣна личнаго задержанія за долги	59
ГЛАВА VIII. Полиція. 1) Причины неудовлетворительности прежней полиціи. 2) Деятельность Полиціи не соотвѣтствовала ея истинному призванію. 3) Послѣдовательный преобразованій полиціи. 4) Она поставлена въ возможность занять почетное мѣсто въ ряду другихъ учрежденій	83
ГЛАВА IX. Важнейшія преобразованія въ вѣдомствѣ министерства финансовъ и контроль 1) Гласность расписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. 2) Отмѣна откупа и введеніе акцизныхъ учрежденій. 3) Единство кассы. 4) Значеніе контроля	89
ГЛАВА X. Образование. А) Учебные заведенія министерства просвещенія. 1) Университетъ. 2) Среднеучебныя заведенія—мужскія. 3) Среднеучебныя заведенія—женскія. 4) Воспитательно-образовательная система министерства гр. Толстого. 5) Нѣсколько словъ о преподаваніи рисования и черченія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. 6) Народное образование. Б) Духовно-учебные заведенія. 1) Мужскія. 2) Женскія Епархиальные училища. Заключеніе	95
ГЛАВА XI. Верховная Распорядительная Комиссія. 1) Почему это Верховное Учрежденіе должно считаться крупнымъ событиемъ въ ряду явлений нашей внутренней жизни. 2) Отношеніе общества къ учрежденію Верховной Распорядительной Комиссіи. 3) Исторический параллели. 4) Характеръ и направление дѣятельности Верховной Распорядительной Комиссіи. 5) Графъ Лорисъ-Меликовъ	131
ГЛАВА XII. Обзоръ условій, благопріятствовавшихъ зарожденію и временному развитію соціально-политического движения	141

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время для полной беспристрастной оцѣнки преобразованій, совершонныхъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе нашей внутренней жизни далеко еще не наступило: она приналежитъ будущимъ поколѣніямъ.

Мы, дѣйствующія лица этого періода жизни нашего отечества, поставленныя, такъ-сказать, въ упоръ къ современнымъ событиямъ, находимся еще слишкомъ подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній, слишкомъ близко и, если можно такъ выразиться, непосредственно стоимъ подъ отдельныхъ, частныхъ ненормальныхъ явленій жизни, чтобы быть способными подняться на высоту исторического взгляда на прожитый нами періодъ, чтобы не запутаться въ объясненіяхъ причинной связи событій.

Поэтому не можетъ быть и рѣчи о возможности въ настоящее время *исторіи* двадцатипятилѣтія въ томъ научномъ смыслѣ этого слова, который прежде всего требуетъ полной свободы отъ вліянія страсти политическихъ, соціальныхъ, религіозныхъ.

Но современникъ, въ качествѣ обозрѣвателя пережитыхъ имъ событій, можетъ быть полезенъ будущему историку, какъ свидѣтель событій.

Несмотря на то, что въ рассказахъ современника, когда рѣчь идетъ о политической жизни народа, повторяются такие предметы, которые отмѣчены въ многоразличныхъ актахъ и памятникахъ и, стало-быть, дошли бы до потомства, такъ-сказать, путемъ офиціальныхъ,— все же рассказы эти могутъ имѣть значеніе для историка, заключая въ себѣ указанія на многія черты изъ современной жизни, на которыхъ офиціальные акты, по специальному назначению ихъ, не могутъ останавливаться вообще.

Кромѣ этого *историческаго* значенія предлагаемыхъ очерковъ, намъ самимъ, свидѣтелямъ пережитыхъ событій, полезно и поучительно воспроизвести въ своей памяти, въ общей картинѣ, пережитое нами двадцатипятилѣтие, чтобы подвести правильные итоги тѣмъ преобразованіямъ, которыя совершились въ настоящее Царствованіе, и тѣмъ болѣзnenными явленіямъ жизни русскаго общества, которыя предъ нами проходили въ послѣднее время.

Безпредвѣтный взглядъ на прошлое и *откровенное слово* о немъ могутъ имѣть въ настоящее время еще особый интересъ. Они укажутъ, обусловливались ли эти болѣзnenные явленія тѣми великими началами, которыя вложены въ основаніе важнѣйшихъ преобразованій указанного періода.

Если читатель, выслушавъ наше *откровенное слово*, придетъ къ убѣждѣнію, что эти болѣзnenные явленія выросли вовсе не на почвѣ, расчищенной великими преобразованіями настоящаго Царствованія, а среди тѣхъ сорныхъ травъ, которыхъ начали-было давать ростки на этой почвѣ, то авторъ предлагаемой книги будетъ совершенно удовлетворенъ. Распространеніе *такого убѣжденія* послужить лучшему

гарантію противъ возможности реакціи, всегда вредно отзывающейся на общественномъ организмѣ.

На зарѣ двадцатипятилѣтія настоящаго царствованія, т.-е. въ 1855 году, мы застаемъ десятки миллионовъ людей, призванныхъ быть одною изъ наиболѣе производительныхъ силъ государства, въ состояніи крѣпостной зависимости оть ихъ владѣльцевъ; мы застаемъ войско—плохо вооруженное и еще хуже обставленное, что касается материальнаго и нравственнаго положенія солдатъ; мы застаемъ наиболѣе позорящую человѣка форму наказаній: розги, плети, шпицрутены и кошки; мы застаемъ судебный порядокъ, основанный на бюрократизмѣ, канцелярской тайнѣ, — одинаково тягостный для праваго и виноватаго; мы застаемъ безгласную прессу и крайне щепетильную къ выражению мнѣній цензуру; мы застаемъ крайне тяготѣніе администраціи надъ общественною жизнью, которое затормозило въ насъ развитіе способности къ самодѣятельности, пріучивъ насъ думать, что „заботливое начальство“ порадѣвъ о нашихъ интересахъ; мы застаемъ учебную часть, выражавшуюся въ-сколькими десятками губернскихъ гимназій и въ которой женское образованіе почти не имѣло мѣста; наконецъ, мы застаемъ отдѣльныя учрежденія и системы управлениія, какъ, напримѣръ, полиція и откупъ, которые по справедливости вызвали къ себѣ общее неудовольствіе, незамедливше выразиться въ периодической прессѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

Вотъ какія традиціи перешли къ намъ отъ прошлаго. Нужно было ихъ вымести и уничтожить, какъ тяжелый тормазъ на пути общественнаго развитія народа и Царь-Законодатель совершилъ этотъ подвигъ.

Не съ первого года настоящаго царствованія начались коренные преобразованія, но уже съ первыхъ же лѣтъ описы-

ваемаго періода почувствовалось въяніе свѣжаго, легкаго воздуха и наиболѣе въ той сферѣ человѣческой дѣятельности, литературѣ, которая служить самимъ чувствительнымъ барометромъ политической атмосфѣры.

Тягостная и неудачная русско-турецкая война (1853—1856 годовъ) въ яркихъ краскахъ, во-очію предъ всѣми, обнаружила глубокіе недостатки нашего общественного строя; литература приняла на себя благородную задачу раскрыть и объяснить общія причины этихъ недостатковъ и указать на средства для уврачеванія больныхъ сторонъ нашей общественной жизни. Понятно, что въ виду такой задачи обличительный элементъ долженъ быть занять первенствующее мѣсто въ литературѣ 50-хъ годовъ и что *такое мѣсто* лучшіе наши писатели должны были отвести ему въ своихъ произведеніяхъ.

Насколько этотъ обличительный элементъ является не искусственнымъ дѣломъ приходи отдельныхъ писателей и результатомъ желанія самого общества русскаго — смѣло взглянуть на свои раны, чтобы найти возможность излечить ихъ, видно изъ того живаго общаго, почти лихорадочнаго интереса, который возбудили появившіеся въ это время Губернскіе Очерки Щедрина (Салтыкова), Записки Охотника (Тургенева) и стихотворенія Некрасова.

Произведенія эти отрывочно были извѣстны нѣсколькимъ лицамъ читающей публики и раньше, но извѣстны были только въ рукописяхъ, точно также, какъ въ началѣ 50-хъ годовъ долгое время ходили по рукамъ списки отдельныхъ главъ 2-й части „Мертвыхъ душъ“ и многія другія произведенія русской литературы, лежавшія подъ спудомъ въ ожиданіи благопріятнаго времени, которое и наступило со второй половины 50-хъ годовъ.

Несмотря на то, что офиціальное облегченіе печатнаго

слова совершилось только въ 1865-мъ году, въ формѣ до-
пущенія издаватъ книги, журналы и газеты безъ предва-
рительной цензуры ¹⁾, но фактически облегченіе это, какъ
мы замѣтили, почувствовалось уже съ первыхъ же лѣтъ
настоящаго царствованія, когда стало возможнымъ появле-
ніе въ русской прессѣ такихъ разоблаченій разнаго рода
недостатковъ нашей общественной жизни, которыхъ за нѣ-
сколько лѣтъ предъ тѣмъ или были бы немыслимы, или,
если бы случайно проскользнули, навлекли бы на автора
неминуемую бѣду.

Пресса не осталась въ долгу за дарованіе ей относи-
тельно большей свободы высказываться. Она съ замѣча-
тельнымъ единодушіемъ и небывалою энергию пошла на
встрѣчу преобразованій, подготавлившихся въ правительствен-
ныхъ сферахъ официальнымъ путемъ. Можно сказать, что
русская пресса съ конца 50-хъ годовъ являлась самымъ
дѣятельнымъ, самымъ близкимъ союзникомъ высшей власти
въ ея преобразовательной дѣятельности и въ тоже время
являлась самымъ вѣрнымъ и нелицепріятнымъ посредникомъ
между этою властію и русскимъ обществомъ, правдиво
выражая созрѣвшія желанія общества.

Поэтому, хотя совершившіяся преобразованія были
вызваны не по иниціативѣ прессы, но все же нельзя не
признать за нею громадной заслуги, состоящей въ томъ,
что она, путемъ изслѣдованія вопросовъ по разнымъ отрас-
лямъ преобразовательной дѣятельности правительства, во
многомъ облегчила трудныя задачи послѣдняго и, мало
того, указывала на такія стороны вопросовъ, которыхъ
могли быть упущены изъ вида при сложной безостановоч-
ной законодательной работѣ.

¹⁾ Полное собран. закон., № 41988.

Въ формѣ специальныхъ изслѣдованій, популяризаций и беллетристики—пресса тогдашняго времени затронула всѣ стороны нашего общественнаго строя жизни, которыхъ настоятельно требовали существенныхъ измѣненій.

Быть крѣпостныхъ крестьянъ, неудовлетворительность нашего суда, откупъ, система образованія, военная часть, несоответствующая духу времени форма наказаній,—положеніе духовенства, несостоительность многихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, полиціи и органовъ мѣстнаго самоуправленія, вопросы государственного хозяйства, касающіеся изысканія лучшихъ способовъ извлечения государственныхъ доходовъ и болѣе равномѣрнаго распределенія налоговъ; словомъ, все, что обусловливаетъ дальнѣйшее развитіе общественнаго организма, все это нашло прессою подвергнуто было всестороннему обсужденію, и въ тоже время послужило обильною темою для тогдашней беллетристики въ формѣ очерковъ, рассказовъ, новостей и романовъ, знакомить русское общество съ собственными его потребностями и средствами удовлетворить ихъ. *Реальное направление* съ этого времени стало рѣшительно преобладающимъ въ нашей беллетристикѣ.

Вопреки попыткѣ доморощенныхъ Менцелей *sui generis* пустить въ оборотъ взглядъ на нашу литературу конца 50-ыхъ годовъ и начала 60-ыхъ годовъ, какъ на болѣзньное и даже уродливое явленіе нашей умственной жизни, люди безпристрѣстные, способные хотя нѣсколько сдерживать свои личныя увлечения, или той клики, къ которой они принадлежать, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится высказываться *печатнымъ словомъ*,—всегда съ сочувствіемъ вспоминать о незабвенной заслугѣ нашей литературы въ указанный періодъ, и если въ ней встрѣчались крайности въ томъ или другомъ направленіи, то они

не вмѣнять ей въ тажкую вину многія крайности, которыхъ вездѣ и всегда составляютъ естественныя послѣдствія живой, дѣятельной мысли.

Они должны вспомнить, что даже правительство не только не считало вреднымъ направлениe литературы, но прислушивалось къ ея мнѣніямъ, и многое, что высказывалось въ ней, проводилось въ жизнь офиціальнымъ путемъ; они должны вспомнить, что въ 1865 году русской прессѣ даны большія права сравнительно съ тѣми, какими она до того пользовалась. Въ этомъ году, какъ известно, удержана предварительная цензура только для книгъ, не свыше 10-ти печатныхъ листовъ, дозволено изданіe газетъ (пока столичныхъ) и журналовъ безъ предварительной цензуры; значитъ правительство признало полезнымъ санкціонировать ту свободу слова, которая фактически существовала съ конца 50-ыхъ годовъ и эта санкція служитъ лучшимъ доказательствомъ полезнаго направленія тогдашней литературы. Въ противномъ случаѣ послѣдовало бы нерасширение правъ печатного слова, а стѣсненіе ихъ. Стало быть, обвиняя литературу тогдашняго времени „въ гибельномъ направленіи“, пришлось бы обвинить правительство, которое санкціонировало это направлениe облегченiemъ печатного слова; пришлось бы обвинить все русское общество, которое съ живымъ интересомъ относилось къ этому направлению, т.-е. пришлось бы дойти до абсурда. Тѣмъ болѣе абсурда въ тѣхъ случаяхъ, когда является попытка отыскивать источники зла т.-е. причину вреднаго направлениe литературы за указанный періодъ, *отъдельныхъ личностяхъ*. При этомъ, съ одной стороны эти отдельные личности признаются виновниками нарожденія чуть ли не цѣлаго культа общественныхъ вѣрованій, т.-е. воносятся на недосягаемую для обыкновенныхъ смертныхъ высоту

генієвъ—реформаторовъ въ области мысли; съ другой же стороны—весь кодексъ ихъ учения топчется въ грязь, какъ вредная нелѣпость и вѣмъ же? Не какими либо новыми народившимися геніями, а людьми, о заслугахъ которыхъ, на какомъ либо поприщѣ умственной дѣятельности никто до послѣдняго времени не слыхалъ, имя которыхъ обязано своею недавнею извѣстностію нѣсколькимъ грязнымъ брошюрамъ. Если эти отдѣльные личности создали цѣлое направлѣніе общественной мысли, то ужъ, конечно не авторамъ названныхъ брошюръ и имъ подобнымъ бороться съ такими, или иначе борьба эта воспроизвела бы Крыловскую басню „о слонѣ и мосьѣ“.

Въ томъ то и дѣло, что не отдѣльные личности создали направлѣніе, господствовавшее въ литературѣ конца 50-тыхъ и начала 60-тыхъ годовъ, а литература, въ лицѣ ея дѣятелей, принадлежитъ только обобщеніе и систематизированіе тѣхъ идей, которыя такъ-сказать, носились въ воздухѣ того времени, которымъ сочувствовало все русское общество, и наконецъ вліяніе которыхъ отразилось на энергической, преобразовательной дѣятельности правительства и его отдѣльныхъ агентовъ, которою характеризуется вся первая половина двадцати-пяти лѣтія, когда задуманы или совершены важнѣйшія преобразованія настоящаго Царствованія.

Среди кипучей преобразовательной дѣятельности и ломки отжившихъ началъ, на развалинахъ которыхъ закладывались основы новыхъ порядковъ, почувствовалось присутствіе боковыхъ теченій, въ сторону отъ прямаго, преобразовательного пути—въ направленіи къ прошлому; стало казаться опасеніе за будущее, въ случаѣ дальнѣйшаго, логическаго развитія новыхъ началъ. Поводомъ къ такому опасенію послужили тѣ отдѣльныя недоразумѣнія и отдѣль-

ные беспорядки, которые возможны во всѣ времена и у всѣхъ народовъ въ преобразовательный періодъ ихъ внутренней жизни. Явилось предположеніе не только возводить эти отрывочные беспорядки, гдѣ бы они ни происходили, въ стѣнахъ ли школы, въ деревнѣ, въ мастерской и на фабрикахъ,—на степень какого то общаго соціально-политического броженія охватившаго все русское государство, но и находить *внутреннюю связь* между этимъ „общимъ“ броженіемъ, и расширенiemъ правъ личности, которое внесли важнѣйшія преобразованія въ первое десятилѣтіе настоящаго Царствованія.

Въ самомъ обществѣ находилось много недовольныхъ совершившимися преобразованіями, лишившими ихъ прежнихъ прерогативъ; и вотъ эти люди пріурочивали всякую аномалию въ общественной жизни къ ненавистнымъ имъ преобразованіямъ. Можно себѣ представить, какъ много такихъ людей было въ первое десятилѣтіе и притомъ людей всѣхъ общественныхъ классовъ. Можно себѣ легко представить, что мнѣнія этихъ людей должны были найти отголосокъ не только въ печати, но и въ администраціи— по той естественной причинѣ, что дѣятели печати и дѣятели администраціи комплектуются изъ того же общества.

Разъ такое мнѣніе стало пускать ворни и распространяться, какъ должна была явиться попытка „сдержать“ логическое развитіе началъ, вложенныхъ въ преобразованія нашей внутренней жизни и считать всякое желаніе выраженное *въ направлении такого развиція*, проявленіемъ зародившагося духа революціи.

Это „новое направление“ *стало замѣтно съ конца 60-хъ годовъ*. Прежде всего оно отразилось на периодической печати. Явились стремленіе выдѣлить изъ сферы печатного

слова многія, весьма животрепещущія явленія нашей внутренней жизни, и главное „усматривать“ въ каждомъ указаніи ея на тѣ или другія частныя, временные аномалии государственной и общественной жизни, затаенное желаніе дискредитировать основы, каковому направлению оказали не малую услугу нѣкоторые органы той же печати. Въ то же время явилось стремленіе находить причины отдѣльныхъ беспорядковъ чуть ли не въ настроеніи самого общества, въ особенности его интеллигентной части, на которую къ тому же „охранительные“ органы печати указывали, какъ на корень зла.

Общественная атмосфера сгустилась подозрительностью, которой стали опредѣляться отношенія администраціи въ обществу и образцомъ которой можетъ служить памятный циркуляръ графа Палена 1870-го года о томъ, что лица, окончившія курсъ въ университетѣ и поступающія въ судебнное вѣдомство, обязаны, кроме обычнаго диплома, представлять еще „свидѣтельство о ихъ благонадежности“, какъ будто люди судебнаго вѣдомства тоже выѣхали изъ среды своей агитаторовъ.

Между тѣмъ, параллельно съ проведеніемъ этого направлія и подъ покровомъ таинственности, которымъ окутаны были животрепещущія событія дня,—на русской почвѣ развивалось извнѣ перенесенное болѣзненное явленіе и, подъ именемъ административной ссылки и отдачи подъ надзоръ полиціи, съ необыкновенною быстротою распространялись тѣ практическія школы, которыхъ довольно успѣшио подготавливали „юныхъ носителей великихъ идей“ въ „политической зрѣлости“, приводившей ихъ—въ тюрьмы, ваторги и на висѣлицы.

Къ счастію, мы можемъ теперь спокойно говорить объ

этихъ прискорбныхъ явленіяхъ нашей внутренней жизни за послѣднее десятилѣтіе, какъ о прошломъ, судя по тому разрядившемуся, легкому воздуху, который повѣялъ — и опять съ высоты Трона.

С.-Петербургъ

6 августа 1880 г.

